

# ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

A.M. Blaze

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# **А.М. Blaze**

## **Долго и счастливо**

*<https://litres.ru/74109508>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

Любовь — самое прекрасное чувство на свете.

Так говорят те, кому никогда не приходилось жить с ней четыреста лет.

Когда-то Люциан был одним из лучших охотников на вампиров. В день собственной свадьбы женщина, которую он любил больше жизни, открыла ему страшную правду. Она оказалась древнейшим вампиром.

В первую брачную ночь она подарила ему вечность.

А потом убила.

Спустя четыре столетия Люциан сам стал тем, кого когда-то ненавидел. Он по-прежнему служит Ордену охотников, уничтожает вампиров и питается только их кровью, считая собственное бессмертие наказанием за любовь. А его жена Лилит появляется в его жизни лишь раз в несколько десятилетий. Каждая их встреча начинается с попытки убить друг друга и заканчивается ночью, после которой они снова исчезают.

# Содержание

Глава 1. Доверие	4
Глава 2. Белые розы	17
Глава 3. Возвращение	27
Глава 4. Черный кофе	43
Глава 5. Допрос	52
Глава 6. Необходимый грех	65
Глава 7. Белые глаза	79
Глава 8. Дом, где всегда ночь	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

# **A.M. Blaze**

## **Долго и счастливо**

### **Глава 1. Доверие**

Любовь — самое прекрасное, что вообще способно случиться с человеком.

Не власть, не богатство, не вера и даже не бессмертие. Именно любовь делает жизнь чем-то большим, чем просто чередой одинаковых дней, наполненных страхом смерти и попытками оставить после себя хоть какой-то след. Люди рождаются, стареют и исчезают слишком быстро, чтобы успеть понять смысл собственного существования, но тому, кто однажды был по-настоящему любим, возможно, это и не нужно. Достаточно одного человека рядом, одного взгляда через комнату, одного прикосновения к ладони, чтобы мир вдруг перестал казаться холодным и чужим. Любовь делает людей смелыми. Заставляет открывать двери, которые раньше казались запертыми навсегда. Позволяет доверять. А доверие — это высшая форма близости. Невозможно любить человека по-настоящему, не позволив ему однажды подойти так близко, чтобы он смог тебя уничтожить.

В доме пахнет воском, дождем и цветами. Праздник за-

кончился всего час назад, но внизу всё ещё слышны приглушенные голоса слуг, звон посуды и тихая музыка, доносящаяся из зала, где кто-то из гостей продолжает пить за здоровье молодоженов. Лилиана смеется, когда Люциан наконец закрывает дверь спальни и устало прислоняется к ней спиной, словно только сейчас понимает, насколько вымотал его этот день. На нем всё ещё черный свадебный камзол, расстегнутый у горла, волосы слегка растрепаны после бесконечных поздравлений, а на щеке остался едва заметный след от чужой помады, который Лилиана замечает первой.

— Не двигайся, — говорит она с улыбкой.

Люциан вопросительно приподнимает бровь, но всё же послушно замирает, позволяя ей подойти ближе. Она осторожно проводит большим пальцем по его щеке, стирая алый след, и несколько секунд просто смотрит на него снизу вверх. Её свадебное платье всё ещё безупречно белое, тяжелая ткань мягко струится по полу, темные волосы рассыпались по обнаженным плечам, а в глазах отражается золотой свет свечей. Она красива настолько, что это почти кажется несправедливым.

— Что? — тихо спрашивает Люциан.

Лилиана качает головой и улыбается чуть мягче.

— Ничего. Просто пытаюсь привыкнуть к мысли, что ты теперь мой муж.

Он смеется негромко, подходит ближе и кладет ладони ей на талию.

— Мне казалось, мы обсудили это ещё утром в храме.

— Тогда всё было слишком официально. Священник, клятвы, гости... — она поднимает взгляд на его губы. — А сейчас только мы.

Люциан целует её прежде, чем она успевает договорить. Медленно, с тем спокойным теплом, которое появляется только рядом с человеком, рядом с которым больше не нужно притворяться сильным. За последние месяцы Лилиана стала для него чем-то опасно важным. Рядом с ней он впервые за долгие годы перестал чувствовать себя оружием ордена, перестал каждую секунду ждать удара в спину, перестал жить так, будто вся его судьба уже давно написана чужой кровью. С ней было легко смеяться. Легко молчать. Легко представлять будущее.

Она отвечает на поцелуй сразу, почти жадно, словно ждала этого весь вечер. Её пальцы скользят по его шее, путаются в волосах, а потом Люциан чувствует, как она дрожит. Со всем немного, едва заметно.

— Ты волнуешься? — спрашивает он, касаясь губами её виска.

— Немного.

— Боишься меня?

Лилиана тихо смеется.

— Если бы я тебя боялась, я бы не вышла за тебя замуж.

Он улыбается и осторожно подцепляет пальцами тонкую ленту на её платье. Белая ткань медленно сползает с плеч

Лилианы, открывая светлую кожу, и Люциан чувствует, как дыхание становится тяжелее просто от одного взгляда на неё. Она прекрасна той красотой, которую не хочется делить ни с кем. Той, которую хочется оставить только для себя, спрятать от чужих глаз, от чужих рук, от всего мира. Лилиана замечает выражение его лица и улыбается чуть хитрее.

— Что?

— Я пытаюсь понять, как мне удалось убедить тебя выйти за меня.

— Возможно, я просто без ума от зеленых глаз.

— Тогда мне повезло.

Он снова целует её, уже глубже, горячее, и она отвечает с неожиданной жадностью, словно внутри её спокойного, мягкого характера всё это время скрывалось пламя, которое наконец перестало притворяться тихим. Люциан прижимает её ближе к себе, чувствуя под пальцами тепло её тела, шелк платья, быстрый ритм дыхания. Лилиана запускает руки под его рубашку, и от этого простого прикосновения у него на секунду темнеет в глазах.

Она смотрит на него так, будто любит слишком сильно.

Наверное, именно поэтому Люциан не замечает странностей. Не замечает, как напряжены её плечи. Как иногда замирает её взгляд. Как дрожат пальцы, когда она касается его лица. Любовь делает человека слепым удивительно вовремя.

Они падают на постель почти одновременно, смеясь в поцелуи, и за окнами снова начинает идти дождь. Лилиана ле-

жит под ним с растрепанными волосами и покрасневшими губами, прижимая ладонь к его щеке, будто хочет запомнить каждую черту лица. Люциан целует её шею, чувствует, как она выгибается ему навстречу, слышит сбившийся вдох, и в этот момент мир кажется настолько правильным, насколько вообще может быть правильным хоть что-то.

— Люциан, — тихо зовет она.

— Мм?

— Ты мне доверяешь?

Он поднимает голову и смотрит на неё с легким удивлением.

— Я женился на тебе.

Лилиана улыбается, но в её светло-карих глазах появляется что-то странное. Что-то слишком темное для этой ночи.

— Это не ответ.

Люциан тихо усмехается и наклоняется к ней ближе.

— Да. Доверяю.

Её пальцы касаются его губ. Медленно, осторожно. Потом Лилиана прикусывает собственную нижнюю губу, и между зубов мгновенно проступает кровь — густая, темная, почти черная в золотом свете свечей. Люциан замирает всего на секунду. Что-то внутри него, глубоко, на уровне инстинкта, напрягается, но Лилиана уже смотрит на него так нежно и так влюбленно, что подозрение не успевает оформиться в мысль.

— Доверься мне, — шепчет она.

И он доверяет.

Люциан целует её снова, чувствуя на языке вкус крови, слишком горячей, слишком сладкой, слишком неправильной. Жар приходит почти сразу, растекаясь по телу медленно и тяжело, будто под кожу вливают расплавленный металл, но Лилиана не позволяет ему отстраниться. Она снова целует его, жадно, глубоко, будто хочет стереть самую возможность сомнений, и Люциан, ослепленный желанием, любовью и этим странным горячим вкусом, перестает обращать внимание на боль.

Ночь становится длиннее.

Их тела переплетаются в смятых простынях, свечи медленно догорают, дождь стучит по окнам всё сильнее. Лилиана касается его так, будто боится потерять, будто каждая секунда рядом с ним слишком ценна, чтобы тратить её впустую. Люциан никогда ещё не видел её настолько живой — покрасневшейся, горячей, с потемневшими глазами и сбившимся дыханием. Иногда ему кажется, что она вот-вот заплачет, но вместо этого Лилиана только сильнее прижимается к нему, шепчет его имя в поцелуях и смотрит так, словно пытается запомнить.

А потом жар внутри становится невыносимым.

Люциан думает, что это просто усталость после вина, бессонного дня и бессмысленно долгого праздника. Потом сердце начинает биться слишком быстро. Мир плывет перед глазами. Воздуха вдруг перестает хватать.

Он резко поднимается на локте, тяжело вдыхая.

— Что... происходит?..

Лилиана сидит рядом на постели, прижимая простыню к груди. И плачет.

По-настоящему.

Слезы текут по её лицу почти беззвучно, но при этом она не выглядит испуганной. Только разбитой.

— Что ты сделала?.. — выдыхает Люциан.

Она накрывает его лицо ладонями и прижимается лбом к его лбу.

— Прости меня, — шепчет она сквозь слезы. — Прости. Я не смогла отпустить тебя.

Он чувствует запах крови.

Нет.

Не просто крови.

Он слышит её.

Слышит людей этажом ниже. Слышит, как под кожей слуги в коридоре бьется сердце. Слышит, как кровь течет по венам самой Лилианы.

И в тот момент, когда он снова поднимает взгляд на свою жену, он наконец видит клыки.

Небольшие. Острые. Нечеловечески белые.

Красивые.

Мир рушится не сразу. Он ломается медленно, с каждой секундой, пока Люциан пытается вдохнуть, пока тело горит изнутри, пока разум отказывается принимать увиденное.

Лиана держит его в объятиях, гладит по волосам, целует в висок, плачет и шепчет его имя так нежно, будто не убивает человека, которого любит больше собственной жизни.

А потом боль становится настолько сильной, что он уже не чувствует ничего.

Когда Люциан открывает глаза снова, за окнами уже серое утро.

Свечи догорели.

Воздух в спальне стал тяжелым, сладким и металлическим.

И первое, что чувствует Люциан после смерти, — голод.

Не человеческий.

Не знакомый.

Чудовищный.

Он резко садится на кровати и хватается за горло, словно пытаясь вырвать это чувство из себя, но становится только хуже. Он слышит всё. Шаги за стенами. Сердца. Кровь. Жизнь.

Голод вгрызается в него с такой силой, что на секунду темнеет в глазах.

Лиана стоит у окна.

На ней всё ещё белое свадебное платье, только теперь подол испачкан кровью. Темные волосы распущены, лицо бледное, а в руках она держит за волосы тело молодой девушки — одной из служанок.

Мертвой.

Горло девушки разорвано.

Кровь всё ещё капает на пол.

Лилиана долго смотрит на Люциана, будто сомневается в чем-то внутри себя, а потом молча швыряет тело к кровати.

И голод побеждает быстрее, чем ужас.

Люциан даже не успевает осознать, что делает.

Он бросается вперед почти животным движением, вцепляется в мертвую девушку и жадно пьет кровь, чувствуя, как тело наконец перестает гореть изнутри. Мир вокруг становится четче. Звуки — ярче. Запахи — сильнее. Кровь теплая. Слишком вкусная.

Он приходит в себя только через несколько минут.

И первое, что видит, — Лилиана, стоящая у окна и тихо плачущая, отвернувшись к дождю.

— Это была моя первая и последняя человеческая кровь.

Молодой вампир непонимающе моргает, вжимаясь спиной в каменную стену старого храма. На его лице кровь, одна рука сломана, дорогая темная рубашка разорвана на груди, а в глазах уже начинается проступать страх — тот самый страх, который появляется у бессмертных только в тот момент, когда они понимают, что сегодня всё-таки могут умереть.

Люциан медленно вытирает серебряный клинок о рукав собственного пальто и спокойно смотрит на него сверху вниз.

Четыреста лет спустя он всё ещё красив той холодной, опасной красотой, которая не вызывает желания подойти ближе у нормальных людей. Высокий, сильный, с темными волосами и ярко-зелеными глазами, слишком живыми для мертвеца. На его руках старые шрамы. На лице — усталость существа, которое прожило намного дольше, чем хотело.

В храме пахнет кровью, сыростью и ладаном. Сквозь разбитый купол льется лунный свет, освещая разбросанные по полу кусочки витража.

— Ты притащил меня сюда, чтобы рассказать свою биографию?.. — хрипит вампир.

Люциан усмехается уголком губ.

— Мы в храме. Я решил исповедаться.

— Пошел ты.

— Обычно так и происходит.

Он медленно подходит ближе, и молодой вампир инстинктивно пытается вжаться в стену ещё сильнее.

— С тех пор прошло четыреста лет, — спокойно продолжает Люциан. — И знаешь, что самое забавное? Мы всё ещё женаты.

— Кто?..

— Я и женщина, которая меня убила.

Вампир смотрит на него так, будто начинает сомневаться, кто из них двоих здесь настоящий псих.

— Ты шутишь.

— Хотелось бы.

Люциан присаживается на край разбитого алтаря и задумчиво крутит между пальцами окровавленный серебряный штырь.

— Мы встречаемся примерно раз в пятьдесят-шестьдесят лет. Иногда реже. Обычно это начинается с того, что я слышу слухи о древней вампирше, нахожу её, пытаюсь убить... — он ненадолго замолкает и лениво усмехается. — А потом всё заканчивается сексом и взаимной ненавистью.

Молодой вампир смотрит на него уже откровенно насто-роженно.

— И зачем ты рассказываешь это мне?

— Потому что ты всё равно скоро умрешь, а мне давно не с кем нормально поговорить.

— У тебя ужасное представление о нормальных разгово-рах.

— Зато стабильное.

Несколько секунд в храме слышен только дождь за стена-ми.

Потом Люциан поднимает взгляд.

— Я снова слышал о ней.

Вампир молчит.

— Женщина с темными волосами. Древняя. Очень кра-сивая. Очень опасная. Несколько трупов на севере города. Вампиры начали исчезать. Кто-то сказал, что видел её.

— И?

— И ты работаешь на клан Деверо. А Деверо иногда знает

больше, чем говорит.

Вампир устало смеется, сплевывая кровь на пол.

— Да пошел ты нахрен со своей семейной драмой.

Люциан несколько секунд молча смотрит на него.

А потом спокойно кивает.

— Справедливо.

Серебряный штырь входит прямо под ребра.

Вампир дергается, захлебываясь криком, цепляется за рукав Люциана, но тот только сильнее проворачивает оружие внутри грудной клетки.

— Знаешь, что убивает людей чаще клыков? — тихо спрашивает Люциан.

Молодой вампир уже не отвечает.

Люциан наклоняется ближе.

— Доверие.

Когда тело наконец обмякает, храм снова погружается в тишину.

Люциан медленно вытаскивает штырь и несколько секунд просто смотрит на кровь, стекающую по его пальцам. Потом всё же подносит руку к губам.

Вампирская кровь густая, холодная и горькая.

Голод внутри довольно просыпается мгновенно.

Люциан закрывает глаза на секунду, позволяя себе только один глоток.

Только один.

Как всегда.

Потом резко выдыхает и отталкивает тело ногой.

Снаружи дождь почти закончился.

Люциан выходит из храма через боковую дверь и останавливается под старым каменным навесом. Ночь пахнет мокрой землей, кровью и дымом далекого города. Где-то там люди всё ещё влюбляются, женятся, клянутся друг другу в вечной любви и даже не подозревают, насколько опасно доверять тому, кто смотрит на тебя слишком влюбленными глазами.

Он достает сигарету, прикуривает и делает медленную затяжку.

Вкус табака давно почти не ощущается.

Но привычка осталась.

Дым медленно растворяется в холодном воздухе, а Люциан, стоя у стен старого храма с кровью на руках и зелеными глазами, в которых давно уже нет ничего человеческого, вдруг думает, что любовь действительно была самым прекрасным чувством на свете.

Особенно если успеть убить её первым.

## Глава 2. Белые розы

К рассвету дождь окончательно заканчивается.

Город медленно выползает из ночи: загораются редкие окна, по мокрым улицам начинают ходить первые автобусы, где-то далеко слышится скрип открывающихся ставней и глухой шум раннего рынка. Люциан идет по пустому мосту через реку, держа руки в карманах черного пальто, и ветер тянет за ним запах крови, серебра и табачного дыма. Для людей утро всегда выглядит обнадеживающим. Будто новый день действительно способен что-то изменить. Люциан когда-то тоже так думал. Очень давно. До того, как понял, что бессмертие превращает время в бесконечный круг из одинаковых ошибок.

Орден занимает старое монастырское здание на окраине города. Снаружи оно выглядит почти заброшенным: потрескавшиеся стены, узкие окна, потемневшие от времени статуи святых у входа. Обычные люди проходят мимо, не обращая внимания. Люди вообще удивительно талантливы в умении не замечать опасное, пока оно не вцепится им в горло.

Тяжелая дверь открывается ещё до того, как Люциан успевает постучать.

— От тебя опять несет трупами, — мрачно сообщает Марек Торн.

Люциан проходит внутрь, даже не взглянув на него.

— И тебе доброе утро.

Марек захлопывает дверь чуть сильнее, чем нужно. Он высокий, широкоплечий, с коротко стриженными темными волосами и лицом человека, который слишком часто представляет чужую смерть в деталях. Большинство охотников не любят Люциана, но Марек ненавидит его особенно искренне и почти с творческим подходом.

— Ты задержался, — говорит он, пока они идут по длинному каменному коридору.

— Вампиры редко умирают по расписанию.

— Может, стоило попробовать работать, а не болтать с ними часами.

Люциан лениво усмехается.

— Ревнуешь?

Марек резко останавливается.

— Однажды я лично всажу тебе серебро в сердце.

— Боюсь, тебе придется встать в очередь.

Охотник смотрит ему вслед с таким выражением лица, будто мысленно уже выбирает место для удара.

Внутри ордена пахнет старой бумагой, оружейным маслом, свечами и сыростью. За четыреста лет почти ничего не изменилось. Новые поколения, новые лица, но сами охотники всегда остаются одинаковыми: слишком уставшими, слишком подозрительными людьми, которые годами живут рядом со смертью и постепенно начинают походить на неё больше, чем хотелось бы.

Когда Люциан заходит в оружейный зал, разговоры ненадолго затихают.

Это происходит каждый раз.

Кто-то отводит взгляд. Кто-то смотрит слишком внимательно. Молодые охотники обычно пытаются скрыть страх за раздражением, старые — за молчанием. Люциан давно перестал обращать внимание. Люди инстинктивно чувствуют, когда рядом находится хищник, даже если он стоит в святом месте и носит знак ордена на груди.

— Господи, — раздается знакомый голос. — Ты выглядишь так, будто тебя переехал грузовик.

Люциан переводит взгляд на Элиана Вокса и чуть приподнимает бровь.

— Доброе утро и тебе.

Элиан сидит прямо на оружейном столе, держа кружку отвратительного орденского кофе обеими руками. Совсем молодой — лет двадцать пять максимум, светлые волосы, слишком живой взгляд и та опасная смесь любопытства и восхищения, которую Люциан терпеть не может видеть у новобранцев.

— Марек сказал, что ты ушел за каким-то вампиром из клана Деверо, — быстро говорит Элиан. — Это правда? Ты его убил? Он правда был старым? А это правда, что...

— Элиан, — устало перебивает Марек, заходя следом. — Если ты сейчас не заткнешься, я лично помогу ему тебя убить.

— Ты просто завидуешь, что он никогда не рассказывает истории тебе.

— Потому что я не похож на восторженного щенка.

Люциан снимает перчатки, бросает их на стол и спокойно отвечает:

— Вампир мертв.

— Подтверждение? — сразу спрашивает Марек.

Люциан молча кладет на стол серебряный штырь, испачканный темной кровью.

Этого достаточно.

Несколько секунд в зале стоит тишина.

Потом Элиан негромко присвистывает.

— Черт. Ты правда его достал.

— Обычно именно это и происходит, когда я выхожу на охоту.

Марек берет штырь двумя пальцами, рассматривая кровь.

— Ты пил.

Не вопрос.

Утверждение.

Несколько охотников сразу поднимают головы.

Люциан смотрит на Марека спокойно.

— И?

— Ты нарушаешь правила.

— Нет. Я нарушаю твои представления о комфорте.

— Однажды ты сорвешься.

— Возможно.

Марек делает шаг ближе.

— И что тогда?

Люциан медленно переводит взгляд на остальных охотников в зале.

— Тогда у вас наконец появится повод перестать делать вид, что вы терпите меня только из-за пользы.

Тишина становится тяжелее.

Элиан первым неловко откашливается.

— Ну... технически вы оба сейчас ведете себя как две разведенные жены.

Марек бросает на него такой взгляд, что молодой охотник сразу делает вид, будто кофе внезапно стал невероятно интересным.

Люциан усмехается.

— Мне начинает нравиться этот мальчик.

— Не называй меня мальчиком, мне двадцать шесть.

— Какая трагедия. Совсем взрослый.

В этот момент дверь в зал открывается снова, и разговоры окончательно стихают.

Матиас Рейн входит без спешки, опираясь на трость. Старик выглядит так, будто сам был высечен из старого камня: сухой, высокий, с глубоко посаженными глазами и идеально прямой спиной. Возраст давно превратил его лицо в карту из морщин и старых шрамов, но взгляд остался острым.

Глава ордена останавливается напротив Люциана.

— Отчет.

— Вампир уничтожен. Клан Деверо действительно начинает двигаться ближе к северной части города.

— Причина?

— Пока не знаю.

Матиас внимательно смотрит на него несколько секунд.

— Ты слышал что-нибудь о Лилит?

Вопрос звучит спокойно.

Слишком спокойно.

Элиан непонимающе хмурится, явно впервые слыша это имя. Марек напрягается почти незаметно.

Люциан выдерживает взгляд главы ордена без единой эмоции.

— Только слухи.

— И?

— Как всегда, красивые и бесполезные.

Матиас чуть щурится.

— Если она действительно здесь, город станет проблемой.

— Она всегда была проблемой.

— Для тебя особенно.

Люциан лениво улыбается.

— Ревнуете, глава?

Марек тихо выдыхает сквозь зубы.

Элиан выглядит так, будто не понимает, стоит ли ему смеяться.

Но Матиас неожиданно усмехается.

— Четыреста лет, а чувство юмора у тебя всё такое же

отвратительное.

— Зато стабильное.

Старик ещё несколько секунд молчит, затем кивает.

— Свободен.

Люциан разворачивается к выходу, но уже у двери слышит спокойный голос Матиаса:

— И Люциан.

Он оборачивается.

— Если она действительно вернулась... не делай глупостей.

Люциан смотрит на него пару секунд.

Потом усмехается.

— Поздновато для этого совета.

К вечеру город снова оживает окончательно.

Люциан идет по улице медленно, держа руки в карманах пальто, и люди вокруг даже не подозревают, кто проходит мимо них. Девушка смеется в телефон рядом с витриной кафе. Мужчина покупает дочери воздушный шар. Пара подростков целуется у автобусной остановки так отчаянно, будто любовь действительно способна победить смерть.

Когда-то Люциан тоже был настолько глуп.

Он останавливается возле цветочной лавки почти машинально.

Старушка за прилавком улыбается ему устало и приветливо.

— Для вашей девушки?

Люциан несколько секунд смотрит на белые розы.

Женевьева любит именно белые.

— Да, — спокойно отвечает он. — Для девушки.

Она появилась в его жизни три года назад. Случайно.

Неправильно. Как и всё хорошее, что когда-либо происходило с Люцианом.

Женевьева была художницей. Курила слишком много, смеялась слишком громко и никогда не задавала вопросов, на которые он не хотел отвечать. Рядом с ней было... спокойно. Настолько спокойно, насколько вообще может быть рядом с человеком, который четыреста лет убивает себе подобных и периодически встречается с собственной женой, чтобы попытаться её убить.

Он собирался уйти уже несколько месяцев.

Не потому что не любил её.

Именно поэтому.

Люциан слишком хорошо знал, чем заканчиваются истории, в которых смертная женщина начинает смотреть на него слишком влюбленными глазами.

Старушка протягивает ему букет.

— Красивые цветы помогают помириться после ссор, — доверительно говорит она.

Люциан усмехается уголком губ.

Если бы всё было настолько просто.

Когда он открывает дверь квартиры, внутри темно.

— Женестьева?

Тишина.

Люциан хмурится.

Обычно она включает музыку. Или рисует. Или кричит ему из кухни, чтобы он наконец перестал таскать в дом запах сигарет и дождя.

Сейчас ничего.

Только тишина.

И запах крови.

Он чувствует его мгновенно.

— Женестьева.

На этот раз голос звучит иначе.

Опаснее.

Люциан быстро проходит по коридору и щелкает выключателем.

Свет загорается резко.

Гостиная выглядит почти нормально.

Почти.

Тело Женестьева лежит на журнальном столе в белом домашнем платье, залитом кровью настолько сильно, что ткань уже стала темно-красной. Головы нет.

Букет белых роз медленно выскользывает из его руки на пол.

Несколько секунд Люциан просто стоит неподвижно.

А потом замечает кровь на стенах.

И женщину на подоконнике.

Лилиана сидит, закинув ногу на ногу, в длинном черном платье, будто сошла со старинного портрета. Темные волосы волнами падают на плечи, губы испачканы кровью, а в руке она держит голову Женеьевы за волосы с таким спокойствием, будто рассматривает не человеческие останки, а безвкусную статуэтку.

Её глаза, почти белые, медленно поднимаются на Люциана.

И она улыбается.

Мягко.

Почти нежно.

— Ну вот, — тихо говорит Лилиана. — Ты не зря принёс цветы.

## Глава 3. Возвращение

Несколько секунд в квартире стоит абсолютная тишина.

Люциан не двигается.

Белые розы лежат у его ног, рассыпавшись по темному полу. Некоторые лепестки уже медленно впитывают кровь Женевиэвы.

Лиана замечает его взгляд и лениво улыбается, продолжая держать голову мертвой девушки за волосы.

— Хорошие цветы, Люций, — спокойно говорит она. — Очень милый жест. Пригорят на похороны.

Её голос за четыреста лет почти не изменился.

Тот же мягкий тембр.

Та же спокойная насмешка.

Только глаза теперь серые. Почти белые. Не человеческие. Не вампирские в привычном смысле. У обычных обращенных радужка всегда постепенно наливалась красным, словно кровь навсегда застревала под глазами. Но древние были другими. Возраст стирал цвет, пока взгляд не становился бледным, как зимний лед.

Люциан помнил, какого цвета её глаза были в ту ночь.

Светло-карие.

Человеческие.

Теперь от той женщины почти ничего не осталось.

Он медленно опускает взгляд на тело Женевиэвы.

Потом снова поднимает на Лилиану.

— Ты испачкала диван.

Лилиана тихо смеется.

— О, вот за что я тебя люблю. Любой другой мужчина начал бы кричать.

— Любой другой мужчина не прожил бы рядом с тобой четыреста лет.

Она склоняет голову чуть набок, рассматривая его внимательнее.

— А ты выглядишь лучше, чем обычно. Убил кого-то интересного?

— Молодого идиота из клана Деверо.

— Мм. Значит, вторник.

Люциан делает шаг вперед.

Лилиана замечает движение мгновенно.

И улыбается шире.

— Вот теперь узнаю мужа.

Он бросается на неё быстрее, чем человек способен увидеть.

Лилиана успевает только швырнуть голову Женевьевы ему навстречу. Люциан отбивает её в сторону, и та с глухим ударом врезается в стену, оставляя кровавый след, а в следующий миг он уже хватает Лилиану за горло и вместе с ней перелетает через стеклянный журнальный столик, на котором всё ещё лежит тело Женевьевы.

Стекло разлетается по полу.

Лилиана смеется.

Не нервно.

Искренне.

— Боже, как я скучала.

Она вонзает колено ему в живот так сильно, что Люциана отбрасывает в кухонную стойку. Дерево трещит. Посуда с грохотом летит вниз.

Люциан почти сразу поднимается.

Вампиры не чувствуют боль так, как люди. Для них боль — скорее раздражение. Помеха. Напоминание, что тело всё ещё материально.

Лилиана уже стоит посреди гостиной, вытирая кровь с уголка губ большим пальцем.

— Она была скучной, кстати.

— Ты обезглавила её.

— Это не взаимоисключающие вещи.

Люциан хватает кухонный нож и швыряет в неё.

Лилиана ловит лезвие в воздухе.

— Серьезно? Нож? — она смотрит на него почти оскорбленно. — Я тебя чему вообще учила?

Он не отвечает.

Просто достает из внутренней кобуры серебряный клинок.

И вот тогда Лилиана перестает улыбаться.

Совсем немного.

— Ох, — тихо говорит она. — Теперь уже романтично.

Она бросается первой.

Они сталкиваются посреди комнаты с такой силой, что под ногами трескается паркет. Лилиана перехватывает его запястье, выкручивает руку, серебряное лезвие проходит в сантиметре от её лица, и Люциан успеваеет заметить собственное отражение в её почти белых глазах.

Голодное.

Злое.

Живое.

Она бьет его головой в переносицу.

Хруст.

Кровь.

Люциан рычит сквозь усмешку и врезает её спиной в стену. Картина Женеvьевы падает на пол и ломается пополам.

— Всё ещё злишься? — выдыхает Лилиана ему в лицо.

— Ты убила мою девушку.

— Ты говорил это уже раз семь за последние сто лет.

Она резко вонзает ему пальцы под ребра.

Люциан чувствует, как когти проходят через плоть.

Чувствует.

И всё равно улыбается.

— Да, — тихо говорит он. — Но эта хотя бы умела готовить.

Лилиана смеется и резко отталкивает его от себя.

Люциан влетает в книжный шкаф, дерево ломается с оглушительным треском. Книги летят вниз вместе с кусками по-

лок.

Он едва успевает увернуться от брошенного кресла.

Тяжелое деревянное кресло врежется в стену и разваливается.

— Ты стала эмоциональной, — замечает он.

— А ты опять начал приводить домой смертных.

— Ревнуешь?

— Нет, Люций, — Лилиана медленно идет к нему через разгромленную гостиную. — Я просто терпеть не могу, когда кто-то трогает мои вещи.

Он бросается вперед прежде, чем она договаривает.

На этот раз серебро всё-таки входит в её плечо.

Лилиана шипит сквозь зубы, впервые за весь вечер теряя спокойствие.

И Люциан чувствует запах её крови.

Древней.

Сильной.

Опасной.

Голод внутри него просыпается мгновенно.

Лилиана замечает это.

Конечно замечает.

Её глаза медленно темнеют.

— Осторожнее, — тихо говорит она. — Ты всегда плохо себя контролировал рядом со мной.

Люциан резко проворачивает лезвие.

Лилиана вскрикивает — скорее раздраженно, чем болез-

ненно — и в следующую секунду вонзает клыки ему в шею.

Они оба падают на пол, ломая остатки стола.

Комната выглядит так, будто внутри взорвалась граната.

Кровь.

Дерево.

Стекло.

Разбитые стены.

Тело Женевьевы на полу в стекле.

И двое чудовищ, которые уже четыреста лет никак не могут решить, хотят они убить друг друга или поцеловать.

Люциан всё-таки переворачивает Лилиану на спину и с силой прижимает её к полу.

Серебряный клинок упирается ей в горло.

Несколько секунд они просто смотрят друг на друга тяжело и жадно.

Её волосы рассыпались по битому стеклу.

Его кровь медленно течет по шее.

Лилиана тяжело дышит и вдруг тихо улыбается.

— Ну давай, — шепчет она. — Удиви меня.

Люциан смотрит ей в глаза.

Серые.

Почти белые.

Древние.

Потом резко наклоняется и впивается зубами ей в шею.

Лилиана вздрагивает.

И тихо стонет сквозь смех.

Её кровь обжигает.

Всегда.

За четыреста лет Люциан так и не понял, связано ли это с её возрастом или только с ней самой. Кровь Лилианы не была похожа ни на что другое. Слишком сильная. Слишком сладкая. Слишком живая для мертвеца.

Он делает только один глоток.

Всего один.

Но этого хватает, чтобы голод внутри почти болезненно затрепетал.

Лилиана запускает пальцы в его волосы и медленно тянет назад.

— Всё ещё любишь меня, — тихо говорит она.

— Ненавижу тебя.

— Мм. Это тоже.

Он смотрит на неё ещё секунду.

А потом целует.

Жадно.

Зло.

Будто пытается наказать её этим поцелуем.

Лилиана отвечает мгновенно.

Именно так всегда всё и заканчивается.

Кровью.

Ненавистью.

И поцелуями.

Зелёные глаза прожигают её насквозь — полные ярости,

голода и чего-то почти болезненного. Он резко притягивает её к себе, целуя с такой силой, что у неё перехватывает дыхание.

Его губы обжигают её кожу, оставляя следы, похожие на укусы. Он прикусывает её нижнюю губу, словно хочет причинить боль, смешанную с удовольствием. Их языки сталкиваются в отчаянном, почти жестоком поцелуе, передавая всё, что между ними накопилось за эти годы: ненависть, тоску, желание.

Лилит впивается ногтями ему в спину, оставляя длинные красные полосы, пока Люциан срывает с неё ткань платья так нетерпеливо, будто снова начинает задыхаться без неё.

Они срывают друг с друга одежду прямо на полу среди обломков мебели и битого стекла, будто всё вокруг перестает существовать, кроме этой старой, больной связи между ними. Лилиана смеется ему в губы, когда он подхватывает её на руки и швыряет на диван рядом с телом Женевьевы, а потом снова притягивает к себе так жадно, словно за эти десятилетия разлуки успел снова начать задыхаться без неё.

Это никогда не было нежностью.

Между ними вообще почти не осталось ничего человеческого.

Только голод.

Привычка.

Одержимость.

Люциан нависает над ней, тяжело дыша, и несколько се-

кунд просто смотрит.

Будто пытается запомнить её заново.

Растрёпанные иссиня-чёрные волосы.

Бледную кожу.

Сбитое дыхание.

Глаза, в которых он тонул ещё сотни лет назад.

— Ненавижу тебя, — выдыхает Лилит прямо ему в губы.

Он усмехается — коротко и зло.

— Лгунья.

Его поцелуи спускаются ниже: по шее, ключицам, груди.

Он оставляет на её коже новые укусы и следы, наслаждаясь каждым её прерывистым вдохом.

Люциан опускает голову к её груди, обводя языком каждый сосок. Он кусает, втягивает в рот, наслаждаясь вкусом и запахом её кожи. Лилит вскрикивает, впиваясь ногтями в его плечи.

Его губы спускаются ниже, оставляя дорожку из поцелуев и укусов на плоском животе, во впадинке пупка. Лилит дрожит, предвкушая его прикосновения к самому сокровенному месту.

Он раздвигает её ноги и устраивается между ними. Его дыхание обжигает нежную кожу внутренней стороны бедер. Лилит извивается, требуя большего. Наконец его губы находят её самое чувствительное место.

Его язык исследует каждую складочку и впадинку, наслаждаясь её вкусом. Он меняет технику: то прижимается к ней всей поверхностью языка, то ласкает чувствительный бугорок. Два пальца скользят в её влажное лоно, сначала медленно, а потом всё быстрее по мере нарастания возбуждения.

Лилит выгибается на диване, вцепившись руками в волосы Люциана. С её губ срываются прерывистые стоны и вздохи, по мере того как удовольствие все сильнее охватывает её.

Непристойные влажные звуки его ласк наполняют комнату, смешиваясь с шумом дождя за окном.

А в метре лежит мёртвая Женевьева — ещё одно напоминание о том, что рядом с ними всё всегда заканчивается одинаково.

Смертью.

Но сейчас ни один из них не способен остановиться.

Он чувствует, как дрожат её бедра, и понимает, что она близка к оргазму. Удваивая усилия, он страстно ласкает её клитор, одновременно проникая в неё пальцами и массируя это особое место.

В тот момент, когда она уже была на грани оргазма, он резко останавливается, оставляя её в отчаянии и неудовлетворенности. Одним быстрым движением он пристраивается у её входа, и его член настойчиво упирается в её влажные складочки.

Глаза Лилиан распахиваются, в них читается похоть и растерянность от внезапной остановки. Но прежде чем она успе-

вает возразить, он резко входит в неё, и Лилит захлебывается воздухом, впиваясь пальцами в его плечи так сильно, будто пытается удержаться не за него — за остатки собственного рассудка.

Его ладонь скользит по её шее, пальцы цепляют подбородок, заставляя смотреть прямо на него, пока его движения становятся глубже, жёстче, почти жестокими.

Диван скрипит под их телами, где-то рядом капает вода с разбитого окна, дождь шумит за стенами квартиры. Лилит дрожит под ним, задыхаясь от ощущений, а Люциан вдруг утыкается лицом ей в шею и тихо, почти яростно рычит:

— Ты невозможна.

Лилит успевает усмехнуться, прежде чем сорваться на очередной стон.

Он задает бешеный темп, входя в неё почти с жестокой силой. Непристойные шлепки кожи о кожу разносятся по комнате вместе с их кряхтением и стонами. Он сжимает её бедра так сильно, что на них остаются синяки, пока он сам ищет разрядки, потерявшись в первобытном ритме их соития.

Лилит кусает его за плечо, Люциан прижимает её к дивану, вокруг пахнет кровью, сексом, пылью и дождем.

Он входит в нее снова и снова, его клыки удлиняются и сверкают в тусклом свете. С голодным рыком он вонзает их в нежную плоть там, где шея переходит в плечо. Горячая кровь наполняет его рот, смешиваясь со вкусом её возбуждения.

Лилиана кричит от боли и удовольствия. Её ногти царапа-

ют его спину, оставляя новые красные следы. Медный запах крови смешивается с мускусным ароматом секса, создавая пьянящий аромат.

Он зализывает рану, одновременно продолжая безжалостно терзать её тело.

Каждый толчок пронзает её до глубины души, разжигая пламя еще сильнее. Лилиана чувствует, что снова приближается к пику наслаждения, еще более мощному, чем предыдущий.

В тот самый момент, когда она балансирует на грани умопомрачительного оргазма, он резко выходит из неё, лишая её разрядки, которой она так отчаянно жаждет.

– Не-е-ет... – стонет она в отчаянии, вцепившись кулаками в подушки.

С нечеловеческой силой Люц переворачивает её на живот и поднимает её бедра, подставляя её под себя. Её протесты сменяются резким вздохом, когда он входит в неё сзади, заполняя целиком.

Лилит чувствует каждый его толчок, каждое движение, от которых всё тело начинает дрожать всё сильнее.

— Посмотри, что ты со мной делаешь, — хрипло говорит он ей в ухо.

Лилит смеётся — тихо, сорванно.

— Ты всегда был таким.

— Нет. Только рядом с тобой.

Новый ракурс позволяет ему проникнуть ещё глубже, лас-

кая те места внутри неё, от которых под веками начинают мерцать фейерверки.

Одна его рука запутывается в её волосах, оттягивая голову назад, пока он безжалостно вколачивается в неё. Другая рука скользит вниз и начинает тереть её ноющий клитор.

— Скажи, что всё ещё ненавидишь меня, — шепчет она, тяжело дыша.

— Я пытался тебя забыть.

Эти слова звучат страшнее любой угрозы.

Лилит на секунду перестаёт дышать.

— И как? Получилось?

Он думает ещё мгновение. А после ускоряется.

Глаза Лилит закатываются от блаженства, когда он заполняет её целиком, растягивая самым восхитительным образом. Все нервные окончания в её теле словно наэлектризованы, пылают от ощущений. Она выгибает спину, прижимается к нему бедрами, впуская его ещё глубже. Она чувствует каждый бугорок и каждую вену на его члене, пока он входит в неё.

Её иссиня-черные волосы растрепаны и прилипают к покрытой испариной коже.

С диким рычанием Люциан наваливается на неё, накрывая её хрупкое тело своим массивным. Одной рукой он обхватывает её горло, не сжимая, но демонстрируя свое превосходство.

Напряжение внутри неё становится почти невыносимым.

Каждое движение Люциана только сильнее разрушает остатки самообладания.

Лилит сжимает пальцами подлокотник дивана, дрожит всем телом и наконец срывается первой.

Оргазм накрывает её резко, почти болезненно. Она выгибается под ним, задыхаясь. Из её горла вырывается беззвучный крик, глаза закатываются, а Люциан тихо рычит ей в шею, чувствуя, как её тело сжимается вокруг него.

Несколько движений спустя он кончает следом, прижимая её к себе так сильно, будто боится, что она снова исчезнет.

Когда всё заканчивается, квартира погружается в тяжелую тишину, в которой слышно только тяжелое дыхание.

Лилиана первой поднимается с дивана.

Совершенно обнаженная, с растрепанными волосами и засохшей кровью на шее, она выглядит так, будто только что пережила не драку, а прекрасный вечер.

Её платье превратилось в лохмотья.

— Как грубо, Люций, — замечает она, поднимая остатки ткани двумя пальцами. — Это был винтаж.

— Купишь новое.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Я угрожаю тебе.

— А. Тогда всё нормально.

Она спокойно подходит к шкафу и начинает вытаскивать его вещи.

Люциан лежит на диване среди обломков, курит и молча наблюдает, как Лилиана надевает его черную рубашку. Та оказывается ей слишком большой.

Как всегда.

На секунду возникает почти абсурдное ощущение обычной пары после ссоры.

Если не смотреть на труп без головы.

Лилиана застегивает пуговицы и подходит к окну.

Люциан медленно выдыхает дым.

— Это ты убиваешь вампиров?

Она замирает.

— Каких именно?

— Тех, что держали молодняк в узде. Север города начинает разваливаться. Они пропадают.

Лилиана несколько секунд молчит.

Потом оборачивается через плечо.

И впервые за весь вечер выглядит почти серьезной.

— Нет.

Люциан внимательно смотрит на неё.

— Ты врешь мне постоянно.

— Да. Но не сейчас.

Он понимает это раньше, чем успевает подумать.

Лилиана говорит правду.

А значит, в городе действительно происходит что-то плохое.

Очень плохое.

Она замечает выражение его лица и тихо улыбается.

— О, вот теперь тебе интересно.

— Лилиана.

— Не называй меня так.

— Кто это делает?

Она пожимает плечами.

— Пока не знаю.

— И ты решила вернуться именно сейчас?

Лилиана подходит ближе, наклоняется к нему и легко касается губами его виска.

— Я всегда возвращаюсь, когда становится весело.

А потом открывает окно.

Холодный ночной воздух врывается в квартиру вместе с запахом дождя.

Люциан даже не пытается её остановить.

Никогда не пытается.

Лилиана забирается на подоконник, оборачивается в последний раз, и её почти белые глаза мягко блещут в темноте.

— Кстати, Люций?

— Что?

Она улыбается.

— Эта мне понравилась больше предыдущей.

И исчезает в ночи.

## Глава 4. Черный кофе

Кофе в участке был настолько отвратительным, что Вивьен Морроу подозревала: именно он удерживал местных детективов от самоубийства. Человек не может добровольно выпить такую мерзость и после этого бояться смерти.

Она стояла у автомата уже почти минуту, наблюдая, как темная жидкость медленно заполняет бумажный стаканчик, и думала о том, что не спала нормально третьи сутки подряд.

Город сходил с ума. Исчезновения. Убийства. Пропавшие владельцы клубов и борделей. Труп мужчины в старом храме без видимого оружия убийства и с такой травмой шеи, будто кто-то пробил ему горло насквозь чем-то длинным и тонким, а затем аккуратно забрал предмет с собой. И всё это — за одну неделю.

Она сделала глоток кофе и едва заметно поморщилась.

Мерзость.

Идеально.

За большими окнами полицейского управления серело дождливое утро. Люди спешили по улицам с одинаково усталыми лицами, машины ползли по мокрому асфальту, а внутри отдела убийств воздух уже с самого раннего часа был наполнен запахом дешевых сигарет, холодного кофе, бумаги и чужой раздраженности. Вивьен любила это место примерно так же, как любила свои мигрени — то есть ненавидела всей

душой, но уже не представляла жизни без него.

— Морроу.

Она обернулась на голос раньше, чем успела отпить ещё кофе.

Капитан Харрис выглядел так, будто постарел лет на десять за последние две недели. Галстук съехал набок, под глазами залегли темные круги, а в руках была уже третья за утро папка.

— Если это снова про исчезнувшего владельца клуба, я убьюсь прямо здесь, — предупредила Вивьен.

— Поздно. Там уже четвертый.

Она тяжело прикрыла глаза.

— Господи.

— Именно это я сказал утром мэру.

Харрис протянул ей папку.

— Трое владельцев ночных заведений пропали за последние дни. Сегодня ночью исчез ещё один. Все связаны между собой, но никто не понимает как. Ни выкупа. Ни тел. Ничего.

Вивьен открыла папку прямо на ходу.

Фотографии.

Адреса.

Финансовые отчеты.

Ночные клубы. Бордели. Полулегальные казино.

Люди, у которых всегда слишком много денег и слишком мало морали.

— Наркотики? — спросила она.

— Пока не похоже.

— Конкуренты?

— Тогда где тела?

Вивьен ничего не ответила.

Это и беспокоило её больше всего.

Слишком чисто.

Слишком тихо.

Люди просто исчезали.

Будто их стирали.

Она уже хотела перевернуть следующую страницу, когда Харрис вдруг добавил:

— И ещё храм.

Вивьен устало выдохнула.

— О нет.

— О да.

Труп мужчины нашли ночью в старой заброшенной часовне на севере города. Молодой. Богатый. Красивый. Судя по кольцам, одежде и машине, денег у него было достаточно, чтобы не умирать в грязном храме среди бомжей и голубиного дерьма. Но умер он именно там.

И умер плохо.

Вивьен до сих пор помнила фотографии.

Шея буквально пробита насквозь.

Следы крови.

Разгромленный алтарь.

И ощущение чего-то... неправильного.

Она не любила это слово.

Детективы должны опираться на факты, а не на ощущение.

Но иногда место преступления начинает смотреть на тебя в ответ.

И храм смотрел.

Очень внимательно.

— Судмедэксперт сказал что-нибудь полезное? — спросила она.

— Кроме того, что убийца либо психопат, либо чертов фокусник? Нет.

Вивьен тихо хмыкнула и наконец сделала ещё один глоток кофе.

Мерзкий.

И всё же недостаточно крепкий.

— Свяжи мне храм с пропавшими владельцами клубов, и я начну верить в судьбу, — сказала она.

— Я бы предпочел верить в нормального серийного убийцу.

— После прошлого года? Слишком оптимистично.

Харрис собирался ответить, но в этот момент в отделе раздался чей-то раздраженный голос:

— Морроу! Там ещё двойное убийство прилетело!

Вивьен медленно закрыла глаза.

— Конечно прилетело.

Молодой патрульный уже почти бежал к ним через отдел

с новой папкой в руках.

— Мужчина и женщина, — быстро выпалил он. — Молодая пара. Недавно обручились. Девушке отрезали голову, мужчину нашли в ванной с перерезанным горлом.

Что-то внутри Вивьен неприятно напряглось.

Она сама не поняла почему.

Может, из-за слова «обручились».

Может, из-за того, как патрульный нервно сглотнул после фразы про голову.

Харрис устало потер переносицу.

— Адрес?

— Восточный район.

Вивьен уже собиралась взять папку, когда её телефон завибрировал.

Номер дежурного.

Она ответила почти сразу.

— Морроу.

Несколько секунд она молча слушала.

Потом медленно выпрямилась.

— Что значит «без головы»?

Харрис сразу напрягся.

— Что ещё?

Вивьен убрала телефон от уха.

— Женщина. Убийство в квартире. Голова отсутствует.

— Черт.

— Есть выживший.

Харрис нахмурился.

— Свидетель?

— Сожитель.

Несколько секунд в отделе было тихо.

Потом капитан тяжело выдохнул:

— Ладно. Пару отдай Ричардсу. Ты едешь на квартиру.

Вивьен кивнула почти сразу.

Она сама не понимала почему, но что-то в этом деле уже сейчас ощущалось неправильным.

Не бытовым.

Не похожим на обычное убийство в порыве ревности или ограбление.

Отрезанные головы вообще редко сулят спокойный рабочий день.

Квартира находилась в хорошем районе.

Когда Вивьен поднялась на нужный этаж, там уже работали криминалисты. В воздухе стоял запах крови, мокрой одежды, медицинских перчаток и чужого напряжения.

— Детектив Морроу, — кивнул один из полицейских у двери. — Тело внутри.

— Муж?

— Не муж. Они жили вместе.

— Где он?

Полицейский замялся.

— В квартире.

Вивьен чуть нахмурилась.

— После такого обычно люди либо в шоке, либо блюют.

— Этот не блюет.

Она молча вошла внутрь.

И сразу остановилась.

Квартира выглядела так, будто внутри произошел взрыв.

Разбитая мебель.

Кровь на стенах.

Перевернутый диван.

Обломки дерева и стекла.

Дыры в гипсокартоне.

И труп молодой женщины в когда-то светлом домашнем халате, лежащий среди всего этого кошмара.

Без головы.

Вивьен медленно огляделась.

Это не было похоже на обычную драку.

Скорее на столкновение двух машин на полной скорости.

И посреди этого хаоса, у разбитого окна, стоял мужчина в черной рубашке с закатанными рукавами и спокойно курил, будто всё происходящее не имело к нему никакого отношения.

Высокий.

Темноволосый.

Слишком красивый для человека, рядом с которым лежит обезглавленный труп.

Он повернул голову на звук шагов.

И Вивьен впервые увидела его глаза.

Ярко-зеленые.

Настолько насыщенные, что цвет казался почти невозможным.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом мужчина медленно выдохнул дым.

— Вы из полиции? — спокойно спросил он.

Голос у него оказался низким и удивительно спокойным.

Слишком спокойным.

Вивьен подошла ближе, не сводя с него взгляда.

— Детектив Вивьен Морроу.

— Люциан.

Только имя.

Без фамилии.

Интересно.

Она мельком заметила кровь у него на шее и свежую рану на скуле, которая выглядела так, будто её оставили ногтями.

— Тяжелая ночь? — сухо спросила Вивьен.

Люциан чуть усмехнулся.

Очень слабо.

— Бывало хуже.

И почему-то именно в этот момент у Вивьен появилось очень странное ощущение.

Будто опасность в этой квартире началась не с трупа на полу.

А с мужчины, который стоял у окна и смотрел на неё

слишком спокойно для человека, только что потерявшего женщину.

## Глава 5. Допрос

Люциана задержали почти вежливо.

Это, пожалуй, было самым раздражающим. Он предпочел бы грубость, пистолет у виска, приказ лечь лицом в пол и несколько испуганных людей, слишком уверенных в том, что наручники способны удержать того, кто за последние четыре века ломал железо, кости и чужие клятвы с одинаковой легкостью. Но полиция действовала иначе: осторожно, сдержанно, под пристальным взглядом детектива Морроу, которая явно не любила терять контроль над происходящим. Она не повышала голос, не пыталась произвести впечатление и не задавала глупых вопросов на месте преступления, где кровь ещё не успела до конца потемнеть на полу. Вивьен просто смотрела на него с тем холодным, внимательным раздражением, которое бывает у людей, привыкших замечать несоответствия раньше остальных.

— Вам нужно проехать с нами, — сказала она.

Люциан бросил короткий взгляд на тело Женевьевы. Криминалисты уже работали вокруг, фотографировали кровь, отмечали осколки стекла, собирали образцы с пола и стен, но никто из них не понимал, что именно пытается объяснить эта квартира. Для них это было жестокое убийство, ссора любовников, чья-то ярость, вышедшая за пределы человеческого. Они видели разгромленную гостиную и обезглавлен-

ное тело женщины в домашнем халате. Они не видели следов древней вампирши, серебра, регенерации, старой ненависти и слишком привычного способа прощаться.

— Разумеется, — ответил он. — Я всегда мечтал провести утро в компании полиции.

Вивьен не улыбнулась.

— Сочту это согласием.

— А если нет?

Она медленно посмотрела на него снизу вверх, и в её глазах было так мало страха, что Люциан почти заинтересовался.

— Тогда я испорчу вам день гораздо сильнее.

Он мог бы уйти. Мог бы исчезнуть через разбитое окно прежде, чем кто-либо успел бы вдохнуть. Мог бы оставить их с телом, бессмысленными уликами и десятком вопросов без ответов. Но это привлекло бы слишком много внимания, а внимание людей, особенно настойчивых людей вроде Вивьен Морроу, иногда оказывалось опаснее, чем прямой удар серебром. Поэтому Люциан позволил надеть на себя наручники, позволил вывести себя из квартиры под взглядами соседей и полицейских, позволил посадить себя в машину. Это было почти забавно. В последний раз его везли куда-то против воли в карете, и тогда по крайней мере лошади выглядели приличнее.

В участке его продержали достаточно долго, чтобы любой человек успел бы устать, проголодаться, испугаться и начать

путаться в показаниях. Люциан не устал. Не проголодался в человеческом смысле. Не испугался тем более. Он сидел в комнате для допросов, положив руки на стол, и рассматривал свое отражение в темном стекле напротив. С той стороны, разумеется, кто-то наблюдал. Люди обожали смотреть, когда думали, что сами остаются невидимыми.

Комната была тесной, слишком ярко освещенной и пахла дешевым пластиком, старым потом, кофе и чужими плохими решениями. На столе стоял диктофон. Рядом лежала папка с фотографиями Женевьевы, которые Вивьен пока не открывала. Она сидела напротив, сняв пальто, с закатанными рукавами рубашки и стаканом черного кофе у локтя. Каштановые волосы у неё были собраны небрежно, будто она сделала это на ходу, а под карими глазами залегли тени усталости. Но взгляд оставался собранным.

Люциан подумал, что она выглядит как человек, который не спит не потому, что не может, а потому что считает сон личным оскорблением.

— Назовите полное имя, — сказала Вивьен.

— Люциан.

Она подняла взгляд от бумаги.

— Полное.

— Люциан.

— Фамилия?

— Я давно ею не пользуюсь.

— Как удобно.

— Вы не представляете насколько.

Вивьен несколько секунд смотрела на него молча, потом аккуратно поставила ручку на стол.

— Слушайте, Люциан-без-фамилии. В вашей квартире обнаружено тело женщины, с которой вы жили последние несколько лет. Женщины, которой отрезали голову. Ваша квартира разгромлена. На вас кровь. Вы находились на месте преступления. И при этом вы ведете себя так, будто я отвлекла вас от скучного ужина.

— Ужин был бы приятнее.

— Вы всегда так разговариваете с полицией?

— Не всегда. Иногда полиция задает вопросы умнее.

Её лицо не изменилось, но Люциан заметил, как пальцы чуть сильнее сжали ручку.

— Хорошо. Тогда начнем с простого. Где вы были прошлой ночью?

— На работе.

— Где именно?

— В старом храме на севере города.

Вивьен едва заметно замерла.

Вот теперь интересно.

— В каком храме?

Люциан чуть склонил голову.

— В заброшенном. С разбитым куполом. Плохой архитектурой и отвратительной акустикой.

— Вы понимаете, что это не смешно?

— Я не шучу. Акустика действительно отвратительная.

Вивьен открыла папку, медленно достала первую фотографию и положила перед ним.

Женевьева.

Ещё живая.

Снимок из какого-то документа: мягкие черты лица, светлые волосы, спокойная улыбка. Люциан смотрел на фотографию достаточно долго, чтобы это можно было принять за чувство, но недостаточно долго, чтобы Вивьен осталась довольна.

— Вы любили её? — спросила она.

— Да.

— Звучит неубедительно.

— Я не обязан соответствовать вашим ожиданиям от горя.

— А каким должно быть ваше горе?

Люциан поднял на неё глаза.

— Тихим.

На секунду между ними появилось что-то почти настоящее. Вивьен вдруг перестала давить, будто услышала в его ответе то, что не укладывалось в картину хладнокровного убийцы.

Потом она снова вернулась к делу.

— Когда вы в последний раз видели Женевьеву живой?

— Вчера утром.

— Вы ссорились?

— Нет.

— У вас были проблемы в отношениях?

Люциан усмехнулся.

— У кого их нет?

— Ответьте.

Он откинулся на спинку стула.

— Я собирался уйти.

Вивьен быстро записала что-то.

— Почему?

— Потому что я не мог дать ей то, чего она хотела.

— Что именно?

Семью. Детей. Старость. Обычную человеческую жизнь, в которой никто не возвращается домой с кровью на руках и не проверяет окна на случай, если древняя жена решит заглянуть без приглашения.

— Будущее, — сказал он.

Вивьен подняла взгляд.

— Очень красиво. Долго репетировали?

— Четыреста лет.

Она замерла на долю секунды.

Люциан улыбнулся.

— Шутка.

— Неудачная.

— Обычно мне так и говорят.

Вивьен закрыла папку чуть громче, чем требовалось.

— Кто мог желать ей смерти?

— Никто.

— Неверный ответ.

— Зато честный.

— Женщине отрезали голову в вашей гостиной. Это не «никто». Это очень конкретная ярость.

Люциан посмотрел на неё внимательнее. Она была умнее, чем ему хотелось. Не просто цеплялась за очевидное, не просто искала ревнивого сожителя и бытовую ссору. Она чувствовала, что сцена была неправильной. Не понимала почему, но чувствовала.

— Не ярость, — сказал он.

Вивьен прищурилась.

— Простите?

— Это не была ярость.

— Тогда что это было?

Он подумал о Лилиане, сидящей на подоконнике с кровью на губах и головой Женевьевы в руке. О том, как спокойно она улыбалась. Как будто зашла к нему на ужин и случайно испортила мебель.

— Заявление.

Вивьен молчала несколько секунд.

— Чье?

Люциан слабо улыбнулся.

— Если бы я знал, детектив, наш разговор был бы гораздо короче.

Она не поверила. Разумеется, не поверила. В её мире люди

не сидели напротив полиции и не рассуждали об обезглавленной любовнице как о послании.

— Вы покрываете кого-то, — сказала Вивьен.

— Какая неожиданно романтическая версия.

— Женщину?

Люциан едва заметно усмехнулся.

— Вы всегда так быстро переходите к ревности?

— А вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

— Только когда вопрос скучный.

Вивьен выдохнула, взяла стакан с кофе и сделала большой глоток. Судя по выражению лица, кофе был таким же отвратительным, как и утром. Люциан почти посочувствовал.

— Мне сегодня пришлось выбирать между обезглавленной женщиной в вашей квартире, трупом в храме без оружия убийства, исчезающими владельцами клубов и борделей и молодой обрученной парой, которую кто-то убил так, будто хотел поставить спектакль, — резко сказала она, скорее от усталости, чем намеренно. — Так что простите, если ваши шутки не вызывают у меня восторга.

Люциан перестал улыбаться.

Не сразу.

Медленно.

Как хищник, который услышал в темноте не тот звук.

— Исчезающие владельцы клубов и борделей, — повторил он.

Вивьен заметила перемену мгновенно.

— Вдруг стало интересно?

— Мне нравятся местные новости.

— Не похоже.

— А на что похоже?

Она наклонилась вперед.

— На то, что вы знаете об этом больше, чем должны.

Люциан посмотрел на её кофе, потом на папки, потом снова на неё. Владельцы клубов. Борделей. Люди, как считала полиция. Но Люциан слишком хорошо знал, кто на самом деле держал ночные районы в узде. Не мэры, не бизнесмены, не полиция и даже не банды. Старшие вампиры, достаточно умные, чтобы кормить молодых, прятать их ошибки, убирать тела и не позволять городу превратиться в открытую бойню. Если они начали исчезать и это добралось до полиции, дело было хуже, чем он думал. Намного хуже.

— Имена? — спросил он.

Вивьен тихо рассмеялась.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Вы подозреваемый в убийстве, Люциан. Я не обязана делиться с вами материалами других дел.

— Тогда зачем упомянули?

Она прищурилась.

— Потому что не сплю третьи сутки и, видимо, начинаю совершать ошибки.

— Наконец-то честность.

— Не обольщайтесь. Это не доверие.

Он чуть наклонил голову.

— Доверие переоценено.

Вивьен собиралась ответить, но дверь открылась без стука.

В комнату вошел мужчина, которого Люциан узнал ещё до того, как увидел. Матиас Рейн умел появляться так, будто здание, люди и чужие правила сами расступались перед ним. На этот раз он был не в орденском плаще, а в безупречном темном костюме, с тростью в руке и лицом очень влиятельного старика, которому слишком часто прощали отсутствие объяснений.

За ним вошел Харрис.

И выглядел он так, будто уже ненавидит этот разговор.

— Детектив Морроу, — сказал капитан. — Допрос окончен.

Вивьен медленно повернулась к нему.

— Что?

— Люциан свободен.

Она поднялась.

— Вы шутите?

— Нет.

— У меня труп в его квартире.

— У него подтвержденное алиби.

Вивьен посмотрела на Люциана, потом на Матиаса.

— Кем подтвержденное?

Старик чуть улыбнулся.

— Организацией, на которую он работает.

— Какой организацией?

— Закрытой.

— Прекрасно. Очень убедительно.

Матиас не обиделся. Такие люди вообще редко обижаются; они просто запоминали.

— На момент смерти мисс Женевьевы Дюваль господин Люциан выполнял задание под нашим контролем. Это подтверждают документы, записи, свидетели и, при необходимости, люди значительно выше вашего капитана.

Харрис помрачнел, но промолчал.

Вивьен не села.

— И что это за задание?

— Не для полицейского протокола.

— Женщина мертва.

— И именно поэтому мы уже предоставили всё, что требуется, чтобы исключить вашего подозреваемого.

— Моего подозреваемого нашли рядом с телом.

Матиас посмотрел на Люциана.

— Это его дурная привычка. Оказываться рядом с трупами.

— Обожаю ваши рекомендации, — сухо сказал Люциан.

Вивьен резко перевела взгляд на него.

— Вы знали, что он придет?

— Надеялся, что нет.

— Какая трогательная командная работа.

Люциан встал, когда Харрис снял с него наручники. Металл щелкнул, освобождая запястья, и Вивьен почему-то показалось, что комната сразу стала опаснее. Не потому, что он сделал хоть что-то угрожающее. Наоборот. Он был спокоен. Слишком спокоен. Просто до этого на нем хотя бы были наручники, пусть и бесполезные с виду, а теперь не было даже этой иллюзии контроля.

— Детектив Морроу, — сказал Люциан, проходя мимо неё.

— Что?

Он остановился у двери и слегка повернул голову.

— Купите нормальный кофе. Этот делает вас агрессивной.

Она смотрела на него так, будто мысленно уже выбирала, каким предметом его ударить.

— Увидимся, Люциан.

Он улыбнулся едва заметно.

— Даже не сомневаюсь.

Когда дверь за ним закрылась, Вивьен несколько секунд стояла неподвижно. Потом резко повернулась к Харрису.

— Вы серьезно просто отпустили его?

Капитан устало потер лицо.

— Вивьен, мне позвонили сверху. Очень сверху.

— Мне плевать.

— А мне нет. Потому что у нас уже висят храм, пропав-

шие владельцы заведений, обезглавленная женщина и ещё пара, которую ты великодушно отдала Ричардсу. Я не могу воевать с людьми, которые закрывают дела одним звонком.

Она посмотрела на темное стекло, за которым до этого кто-то наблюдал за допросом.

— Он что-то знает.

— Возможно.

— Нет, не возможно. Точно. Когда я сказала про клубы и бордели, он изменился.

Харрис тяжело вздохнул.

— Тогда следи за ним.

Вивьен подняла брови.

— Это приказ?

— Это плохая идея, которую я официально не произносил.

Она впервые за весь день почти улыбнулась.

— Обожаю нашу законность.

Харрис уже направился к выходу, но у двери остановился.

— И, Морроу?

— Да?

— Будь осторожна.

Вивьен посмотрела на пустой стул напротив, где ещё минуту назад сидел Люциан.

— С ним?

Капитан помолчал.

— Со всеми.

## Глава 6. Необходимый грех

Матиас Рейн не заговорил с Люцианом сразу.

В этом была одна из самых неприятных черт главы ордена: он умел молчать так, будто молчание само по себе являлось допросом. Люциан сидел напротив его стола в старом кабинете с высокими окнами, за которыми серел дождливый город, и лениво рассматривал трещину на деревянной панели стены. Трещина была новой. Лет пятьдесят, не больше. Всё остальное в этом кабинете казалось древнее большинства живых людей: книжные шкафы, темная мебель, распятие над камином, серебряный нож в стеклянной витрине, карты районов, где красными нитями были отмечены недавние исчезновения. Орден любил символы. Ему нравилось делать вид, что линии на карте способны удержать чудовищ в пределах понятного мира.

— Ты мог хотя бы не провоцировать детектива, — наконец сказал Матиас.

Люциан перевел на него взгляд.

— Я был обаятелен.

— Ты назвал её кофе причиной агрессии.

— И был прав.

Матиас устало снял очки и потер переносицу. Возраст не сделал его слабым, но сделал раздражение более выразительным. Он принадлежал к тому редкому типу стариков, кото-

рые выглядят так, будто смерть уже несколько раз приходила за ними, но каждый раз уходила с чувством, что выбрала неподходящий момент.

— Эта женщина не глупа.

— Я заметил.

— Тогда перестань вести себя так, будто она очередной участковый, которому можно улыбнуться и уйти через дверь.

Люциан усмехнулся.

— Я не улыбался.

У двери тихо фыркнул Элиан Вокс. Он стоял у шкафа с папками, официально разбирая архивы по поручению сестры Агаты, а неофициально — слушая всё, что не предназначалось для его ушей. Марек Торн, прислонившийся к стене рядом с окном, бросил на него раздраженный взгляд.

— Ты вообще зачем здесь? — спросил Марек.

— Работаю.

— Ты держишь одну папку уже десять минут.

— Она тяжелая эмоционально.

Люциан посмотрел на Матиаса.

— Мне действительно начинает нравиться этот мальчик.

— Я всё ещё не мальчик, — мгновенно отозвался Элиан.

— Повторяй это чаще. Возможно, однажды поверишь.

Марек тихо выругался, но Матиас поднял руку, пресекающе, без усилия. Даже в этой комнате, среди людей, которые каждый день смотрели смерти в лицо, глава ордена умел

удерживать власть одним движением пальцев.

— Женестьева Дюваль мертва, — сказал он. — И ты прекрасно понимаешь, что это меняет ситуацию.

Люциан не ответил сразу.

Имя прозвучало в комнате слишком человечески. Не как дело, не как улика, не как очередное тело в длинном списке тех, кого орден считал побочным ущербом. Женестьева. Женщина, которая утром пила чай на кухне в его рубашке, ругалась из-за следов пепла на подоконнике и рисовала слишком яркие картины для квартиры, где жил мертвец.

— Она не была частью ситуации, — сказал он наконец.

— Теперь стала, — жестко произнес Марек.

Люциан медленно повернул голову.

Марек смотрел прямо, с той откровенной ненавистью, которую никогда не утруждался прятать. Для него Люциан всегда оставался ошибкой ордена, живым доказательством слабости старших, чудовищем, которому по непонятной причине выдали право охотиться на других чудовищ.

— Осторожнее, Торн.

— Или что?

Люциан улыбнулся.

— Или я начну считать разговор интересным.

Элиан очень тихо поставил папку на пол, как человек, который хотел бы оказаться ближе к выходу, но боится привлечь внимание.

Матиас ударил тростью о пол.

Не громко.

Но достаточно.

— Хватит.

Марек сжал челюсти, однако промолчал.

Матиас снова посмотрел на Люциана.

— Это сделала она?

В кабинете стало тише.

Даже Элиан перестал дышать слишком шумно.

Люциан опустил взгляд на карту города. Северные районы были отмечены плотнее остальных: клубы, частные салоны, бордели, старые склады, подвальные бары, куда нормальные люди не заходили после полуночи. Красные точки исчезновений выглядели почти аккуратно. Почти красиво. А всё красивое, связанное со смертью, слишком часто напоминало о Лилит.

— Она была там, — сказал Люциан.

Матиас не изменился в лице, но пальцы на трости заметно напряглись.

— Ты видел её?

— Да.

— И отпустил, — сказал Марек.

Люциан даже не посмотрел на него.

— Как видишь, сам я тоже всё ещё жив. Значит, вечер у всех вышел неидеальным.

Элиан не удержался:

— Подождите. Лилит — это та самая Лилит?

Марек резко повернулся к нему.

— Молчи.

— Нет, правда, та самая? Древняя? Про которую в архивах половина страниц закрашена? Жена Люциана?

Матиас закрыл глаза с видом человека, который очень жалеет, что в ордене запретили бить новичков тростью.

Люциан посмотрел на Элиана.

— Ты удивительно плохо умеешь выбирать моменты для любопытства.

— Я тренируюсь.

— Тебя убьют.

— Все так говорят.

— Потому что это очевидно.

Старик за столом тяжело выдохнул.

— Элиан. Выйди.

— Но...

— Сейчас.

Молодой охотник нехотя поднял папку, прижал её к груди и направился к двери. Уже на пороге он всё-таки обернулся.

— Если это действительно Лилит, нам же нужно знать больше, верно? История, мотивы, связи...

— За дверь, Вокс, — рявкнул Марек.

Элиан исчез.

Секунду спустя с той стороны двери раздалось приглушенное:

— Я всё равно спрошу сестру Агату.

Марек закатил глаза.

— Щенок.

— Он умнее половины твоих людей, — заметил Люциан.

— Зато в отличие от тебя ещё не мертв.

— Временный недостаток.

Матиас снова стукнул тростью, на этот раз чуть резче.

— Я сказал хватит.

Люциан откинулся на спинку кресла. В этой комнате его терпели, как терпят заряженное оружие на столе: с неприязнью, осторожностью и пониманием, что однажды оно может пригодиться. Именно поэтому он всё ещё сидел здесь, а не в подвале с серебром в груди.

— Она сказала, что не убивает старших, — произнес он.

Матиас внимательно посмотрел на него.

— И ты ей веришь?

— Нет.

— Но?

— Но в этот раз она говорила правду.

Марек коротко рассмеялся.

— Какая трогательная супружеская интуиция.

Люциан поднял на него глаза.

— Она могла бы солгать красивее. Лилит любит ложь, когда в ней есть вкус. Отрицать настолько прямо — не её стиль.

Матиас задумчиво провел пальцами по краю карты.

— Если это не она, кто-то убирает тех, кто удерживал районы от хаоса.

— Да.

— Молодые начнут рвать город на части.

— Уже начинают.

— А полиция?

Люциан вспомнил Вивьен Морроу. Усталые глаза. Черный кофе. Раздражение, слишком острое для обычного бюрократа. И то, как быстро она заметила его реакцию на пропавших владельцев клубов и борделей.

— Полиция пока думает, что у неё несколько разных дел.

— Это хорошо.

— Ненадолго.

Матиас понял сразу.

— Детектив?

— Морроу.

Марек фыркнул.

— Человек.

— Наблюдательный человек.

— Тем хуже. Таких проще убирать сразу.

Люциан встал так резко, что нож в стеклянной витрине едва слышно дрогнул.

Марек тоже выпрямился.

Матиас посмотрел на обоих с ледяным спокойствием.

— Никто не трогает детектива Морроу, — сказал он. — Пока она не представляет прямой угрозы ордену.

— Она уже представляет, — возразил Марек. — Она видела Люциана на месте преступления, она копает храм, она

копает исчезновения. Если она свяжет хоть часть...

— Она не свяжет, если мы будем умнее, чем обычно, — перебил Матиас.

— То есть надежды мало, — сказал Люциан.

Старик впервые за разговор почти улыбнулся.

— Именно.

Молчание снова легло на кабинет. За окнами дождь стекал по стеклу тонкими грязными дорожками. Карта на столе казалась живой: красные отметки исчезновений, черные линии районов, старые пометки ордена, рядом с которыми ещё вчера можно было писать имена тех, кто отвечал за порядок среди мертвых. Сегодня часть этих имен уже ничего не значила.

Люциан медленно подошел к карте.

— Я хочу это дело.

Марек резко повернул голову.

— Нет.

Люциан не посмотрел на него.

— Я не тебя спрашивал.

— Ты слишком близко к ней.

— К карте? Да, заметил.

— К Лилит.

Вот это имя снова изменило воздух в комнате.

Матиас молчал.

Люциан наклонился над столом, рассматривая точки исчезновений.

— Именно поэтому я хочу дело.

— Именно поэтому тебя нельзя к нему подпускать, — жестко сказал Марек. — Каждый раз, когда она появляется, ты перестаешь думать головой.

Люциан медленно выпрямился.

— Будь осторожен.

— Или что? Снова будешь угрожать? Ты уже отпустил её после убийства Женеьевы. Твоя смертная любовница лежала без головы в собственной гостиной, а ты позволил Лилит уйти, потому что не можешь держать себя в руках рядом с ней.

В следующую секунду Марек оказался впечатан в стену.

Это произошло так быстро, что даже Матиас не успел поднять трость.

Люциан держал охотника за горло одной рукой. Не сдавливал до конца. Пока нет. Просто показывал, насколько легко мог бы.

Марек, к его чести, не попытался отвести взгляд.

— Продолжай, — тихо сказал Люциан. — Мне почти стало интересно, как звучит твой голос без гортани.

Дверь резко открылась.

На пороге стояла сестра Агата.

Слепая архивариус ордена не повышала голос никогда, но почему-то её появление заставило обоих мужчин замереть. Она была маленькой пожилой женщиной в темном платье, с белыми, незрячими глазами и серебряным крестом на груди.

В руках она держала стопку старых папок, будто пришла не в кабинет, где вампир почти душит охотника, а на скучное собрание.

— Люциан, — сказала она спокойно. — Отпусти мальчика. Он грубый, но не настолько полезный, чтобы пачкать стену.

Марек хрипло усмехнулся, несмотря на пальцы у горла.

Люциан разжал руку.

Охотник сполз на пол, тяжело вдыхая.

— Спасибо, сестра, — сухо сказал Матиас.

— Не благодарите. Я просто не хочу заново переписывать список личного состава. Марек, в следующий раз выбирайте слова так, будто хотите дожить до обеда.

— Я не боюсь его, — прохрипел Марек.

Агата повернула к нему лицо.

— Тогда вы глупее, чем я думала. А я и так не была щедра в оценках.

Люциан тихо рассмеялся.

Сестра Агата подошла к столу и положила папки рядом с картой.

— Это по исчезнувшим. Старые связи, владельцы заведений, финансовые потоки, слухи за последние полгода. И да, Элиан действительно пришел ко мне с вопросами о Лилит.

Матиас устало закрыл глаза.

— Разумеется.

— Он хотя бы задает правильные вопросы, — сказала

Агата. — В отличие от большинства присутствующих, которые всё ещё делают вид, что это просто территориальная зачистка.

Люциан посмотрел на неё внимательнее.

— Ты думаешь иначе?

— Я думаю, что исчезновения слишком аккуратны. Тот, кто убирает старших, либо знает их привычки, либо получает информацию от кого-то очень близкого к ним.

— Лилит могла бы, — сказал Марек, поднимаясь.

— Лилит могла бы сделать всё, что угодно, — спокойно согласилась Агата. — Но если бы она захотела город, город уже принадлежал бы ей. Если бы она захотела хаос, мы бы не сидели здесь и не спорили. Мы бы считали трупы.

Матиас медленно кивнул.

— Значит, кто-то другой.

— Или кто-то, кто хочет, чтобы мы думали о ней, — добавила Агата.

Люциан молчал.

Это было хуже всего.

Потому что та же мысль уже появилась у него ночью, когда Лилит уходила через окно в его рубашке и с чужой кровью на губах. Кто-то убирал старших. Кто-то оставлял пустые места там, где раньше стояли существа достаточно сильные, чтобы держать молодняк в страхе. И кто-то делал это именно сейчас, когда слухи о возвращении Лилит начали ползти по городу быстрее крыс.

Слишком удобно.

Слишком театрально.

Слишком похоже на приглашение.

— Я веду дело, — сказал Люциан.

Марек открыл рот, но Матиас поднял руку.

— При условиях.

Люциан посмотрел на него.

— Слушаю.

— Ты не приближаешься к детективу Морроу без необходимости.

— У нас разные определения необходимости.

— Тогда пользуйся моим.

— Скучно.

— Второе. Ты докладываешь обо всех контактах с Лилит.

Люциан улыбнулся.

— Всех?

Агата вздохнула.

— Господи, дай мне терпения.

Матиас даже не моргнул.

— Всех, которые имеют отношение к делу.

— Уже лучше.

— Третье. Если окажется, что это она...

Люциан ждал.

Матиас произнес тише:

— Ты не пойдешь за ней один.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Люциан взял со стола одну из папок.

— Конечно.

Марек коротко усмехнулся.

— Он лжет.

— Знаю, — сказал Матиас.

— И вы всё равно даете ему дело?

Старик посмотрел на карту.

— Да.

— Почему?

Матиас перевел взгляд на Люциана. В его глазах не было ни доверия, ни теплоты, ни иллюзий. Только старая усталость и понимание того, что иногда приходится выпускать чудовище на охоту, если в темноте завелось что-то хуже.

— Потому что, если это связано с Лилит, никто не найдет её быстрее него.

Люциан убрал папку под мышку и направился к двери.

Уже на пороге Агата тихо сказала:

— Люциан.

Он остановился.

— Что?

Слепая архивариус повернула голову в его сторону так точно, будто видела его лучше всех остальных.

— Не путай след с зовом.

Люциан помолчал.

Потом усмехнулся.

— Слишком поздно, сестра.

И вышел.

## Глава 7. Белые глаза

Музыка внизу была слишком громкой даже для вампиров.

Бас глухо бил в стены старого особняка, превращенного в закрытый клуб для тех, у кого слишком много денег, слишком мало страха и достаточно плохой вкус, чтобы считать тайные вечеринки среди мрамора и крови признаком статуса. Люди внизу смеялись, пили, целовались в темных коридорах и не подозревали, что находятся в доме, где за последние сто лет убили больше гостей, чем во время некоторых войн. Но это и было главным правилом хорошего хищника: добыча никогда не должна чувствовать себя добычей слишком рано.

Наверху, далеко от шума танцпола и тяжелого запаха алкоголя, воздух был прохладным и пах дорогими сигаретами, вином и сексом.

Ноэль лежал на спине, тяжело дыша, пока Лилит сидела на нём верхом.

Её тёмные волосы рассыпались по обнажённым плечам, бледная кожа мерцала в тёплом свете камина, а белые глаза внимательно следили за каждым изменением на его лице.

Она двигалась медленно.

Слишком медленно.

Ровно настолько, чтобы сводить его с ума.

Каждый раз, когда Ноэль был уже на грани, Лилит замед-

лялась или вовсе останавливалась, наслаждаясь тем, как напряжение всё сильнее сковывает его тело.

На её губах появилась довольная улыбка.

Она наклонилась ниже, оставляя влажный поцелуй у него на шее, и Ноэль судорожно выдохнул.

Капли пота скользили по его напряжённому телу.

— Лилит... — хрипло выдохнул он, сжимая пальцами простыню. — Пожалуйста.

Она тихо усмехнулась.

Её клыки на мгновение блеснули в тёплом свете.

— Ты слишком нетерпеливый, Ноэль.

Он сжал руки на её талии, пытаясь заставить её двигаться быстрее, но Лилит тут же перехватила его запястья и прижала к кровати.

Белые глаза вспыхнули предупреждением.

— Не командуй мной.

От её голоса по его телу прошла дрожь.

Лилит снова начала двигаться — плавно, медленно, почти мучительно. Её бедра мягко покачивались, заставляя Ноэля терять остатки самообладания.

Она прекрасно знала, что делает.

И наслаждалась этим.

Ноэль запрокинул голову, тяжело дыша.

Каждое её движение отдавалось по всему телу горячими волнами напряжения.

— Ты издеваешься надо мной, — выдохнул он с нервным

смешком.

Лилит наклонилась почти к самым его губам.

Но не поцеловала.

Только провела пальцами по его груди и тихо прошептала:

— А тебе не нравится?

Ноэль смотрел на неё так, словно был готов окончательно потерять рассудок.

Его руки снова скользнули по её телу — по талии, спине, бёдрам — будто он пытался удержать её ближе к себе.

Лилит чувствовала, как напряжение внутри него становится почти болезненным.

И именно это её заводило.

Она снова замедлилась.

Ноэль тихо выругался сквозь зубы и прикрыл глаза.

— Лилит... я больше не выдержу.

Она улыбнулась — самодовольно и почти нежно одновременно.

Редкое сочетание для неё.

— Выдержишь.

Её движения стали чуть глубже, чуть увереннее, она стала насаживаться на его член ниже, до самого основания, и с губ Ноэля сорвался приглушённый стон.

Теперь даже самой Лилит становилось тяжело сохранять прежнее спокойствие.

Дыхание сбивалось.

Кожа покрылась тонкой плёнкой пота.

Она чувствовала, как его пальцы сильнее сжимаются на её бёдрах каждый раз, когда удовольствие становилось слишком сильным.

Ноэль смотрел на неё снизу вверх так, будто кроме неё в мире больше ничего не существовало.

И Лилит ненавидела то, насколько ей нравился этот взгляд.

— Я полностью твоя, — хрипло произнёс он. — Моё сердце, моё тело... всё.

На несколько секунд Лилит замерла.

Что-то в её взгляде дрогнуло.

А потом она резко ускорила темп.

Ноэль шумно выдохнул, запрокидывая голову назад.

Теперь между ними уже не оставалось места для медленной пытки — только рваное дыхание, жар кожи и быстро нарастающее напряжение.

Лилит наклонилась к нему ближе, её волосы скользнули по его груди.

— Теперь можно, — тихо прошептала она ему на ухо.

После этого Ноэль окончательно потерял контроль.

Он притянул её к себе, впиваясь пальцами в её спину, приподнял бедра и сам начал входить в неё почти с отчаянием. На несколько минут комната наполнилась влажными шлепками, а после волна удовольствия накрыла их обоих почти одновременно.

Ноэль зажмурился, срываясь на хриплый стон, пока Ли-

лит выгибалась в его руках, тяжело дыша ему в шею.

Несколько секунд они просто оставались так — пытаешься восстановить дыхание среди огня камина, приглушённой музыки под ними и тяжёлого запаха разгорячённых тел.

А потом Лилит медленно слезла с него и потянулась за тёмной тканью, лежавшей на краю кровати.

Ноэль продолжал лежать на темных простынях, тяжело дыша и глядя в потолок с тем выражением лица, которое появляется у мужчин только после двух вещей: хорошего секса или очень плохих решений. В случае Лилит обычно происходило и то и другое одновременно. Она села к нему спиной у края кровати, медленно застегивая черную шелковую рубашку, которую, кажется, украли у кого-то из любовников ещё лет двадцать назад, до того, как его нашёл Серебряный. Длинные темные волосы спадали вдоль спины почти до бедер, а бледная кожа в полумраке комнаты казалась мраморной.

— Ты специально делаешь вид, будто тебе не понравилось? — лениво спросил Ноэль.

Лилит усмехнулась уголком губ, не оборачиваясь.

— Нет. Просто думаю, насколько быстро ты снова начнешь раздражать меня разговорами.

Он тихо рассмеялся.

Ноэль был красив той опасной красотой, которая хорошо смотрится в дорогих костюмах и рядом с чужими проблемами. Светлые волосы сейчас растрепались, на шее темнели

следы укусов, а в глазах всё ещё оставалась расслабленная дымка удовольствия. По человеческим меркам он выглядел лет на тридцать, хотя на самом деле прожил уже больше века. Для вампира — почти ребенок. Для Лилит — буквально.

— Это больно, между прочим.

— Ты выживешь.

— Вот в этом и проблема.

Лилит наконец повернула голову через плечо.

Её глаза были почти белыми.

Не серыми даже — скорее цвета зимнего неба перед снегом. Такими глазами обладали только очень древние вампиры. Возраст постепенно выжигал из взгляда любой живой цвет, пока не оставалась эта бледная пустота, от которой большинству молодых становилось не по себе.

Ноэль выдержал взгляд спокойно.

Он давно привык.

Именно поэтому всё ещё был жив.

Лилит медленно улыбнулась.

— Не смотри на меня так. Ты сам притащил меня в постель полчаса назад.

— Да. И теперь чувствую себя использованным.

— Как трагично.

Она поднялась с кровати, босиком прошла по комнате и взяла со столика бокал вина. Настоящее вино ей давно не нравилось — слишком слабое, слишком человеческое — но Лилит любила привычки. Они делали бессмертие менее

скучным.

И только теперь становилось заметно, что в комнате они не одни.

У огромного окна сидела Морена, лениво покачивая ногой в алой туфле и куря длинную сигарету. Её темные кудри были уложены идеально даже в четыре утра, а платье стоило больше, чем большинство людей зарабатывали за несколько лет. Рядом, в кресле у камина, расположился Валериан — высокий, холодный вампир с серебряными кольцами на длинных пальцах и лицом человека, который не испытывал искренних эмоций примерно с эпохи Ренессанса.

Для смертных подобная сцена выглядела бы безумием.

Для вампиров — обычным вечером.

— Наконец-то, — протянула Морена, выпуская дым к потолку. — Я уже начала думать, что вы решили пожениться прямо здесь.

Ноэль устало закатил глаза.

— Ты можешь хотя бы делать вид, что тебе неловко?

— Но мне весело.

Лилит отпила вино и спокойно опустилась в кресло напротив.

— Продолжайте разговор. Я закончила.

Валериан лениво поднял взгляд от книги, которую листал всё это время.

— Как любезно с твоей стороны.

— Я стараюсь быть хорошей хозяйкой.

— После секса в комнате, полной гостей? — Морена тихо рассмеялась. — Дорогая, у тебя очень специфическое понимание гостеприимства.

— А у тебя очень специфическое понимание границ.

— Мы вампиры. Какие границы?

Ноэль потянулся за рубашкой, явно стараясь выглядеть менее раздраженным, чем был на самом деле.

Не получилось.

Лилит заметила это сразу.

Конечно заметила.

Она вообще замечала слишком многое.

— Что? — лениво спросила она.

— Ничего.

— Ноэль.

Он поднял на неё взгляд.

— Ты исчезла на несколько дней.

Морена тут же заинтересованно приподняла брови.

— О.

Валериан даже перевернул страницу медленнее.

Лилит спокойно сделала ещё один глоток вина.

— И?

— И никто не мог тебя найти.

— Какая редкая удача.

— А потом по городу начали ползти слухи, что Серебряный снова появился на севере.

В комнате стало чуть тише.

Не из-за страха.

Скорее из-за интереса.

Морена первой улыбнулась.

— Ну наконец-то хоть что-то увлекательное.

Лилит ничего не ответила.

И это уже было ответом.

Ноэль медленно сел на кровати.

— Ты виделась с ним.

Не вопрос.

Утверждение.

Лилит чуть повернула голову.

— Ревнуешь?

— Нет.

— Какая скучная ложь.

Морена тихо рассмеялась, явно наслаждаясь происходящим.

— Господи, Ноэль, конечно она виделась с мужем. Это буквально их любимое хобби последних четырехсот лет.

— Они пытались убить друг друга, — сухо заметил Валериан.

— И трахались после этого, — добавила Морена. — Не разрушай романтику.

Ноэль смотрел только на Лилит.

— Она была там? — вдруг спросил он. — Его новая смертная.

Лилит медленно провела пальцем по краю бокала.

— Была.

Несколько секунд никто ничего не говорил.

Потом Морена негромко выдохнула дым.

— Ох. Так вот почему ты вернулась в хорошем настроении.

— У неё был ужасный вкус в шторах, — спокойно сказала Лилит.

Ноэль резко отвел взгляд.

Именно это было самым неприятным в её ревности.

Лилит никогда не устраивала сцен.

Никогда не кричала.

Никогда не требовала.

Она просто убивала людей.

— Ты не имела права, — тихо сказал он.

Лилит посмотрела на него почти удивленно.

— Правда?

— Ты сама говорила, что устала от этого.

— От чего?

— От ваших игр.

Она усмехнулась.

— Это не игра, Ноэль.

— Тогда что?

Лилит задумалась всего на секунду.

— Привычка.

Валериан закрыл книгу.

— Вы оба отвратительно романтичны.

— А ты отвратительно одинок, — мгновенно ответила Лилит.

Морена рассмеялась уже в голос.

Ноэль не смеялся.

Он смотрел на след укуса у неё на шее.

Очень свежий.

И Лилит, конечно, замечает это тоже.

Она медленно касается пальцами собственной шеи и улыбается чуть мягче.

Специально.

Жестоко.

— Не начинай, — предупреждает она.

— Он пил твою кровь?

— Да.

Ноэль сжимает челюсти.

Молодые вампиры редко понимали, насколько интимным был обмен кровью между древними. Это не просто голод. Не просто кормление. Это почти зависимость. Почти признание. Особенно для таких существ, как Лилит и Люциан, которые уже давно не умели любить нормально.

— И ты позволила ему? — тихо спрашивает он.

Лилит смотрит на него спокойно.

— Он всегда берет сам.

Морена медленно выдыхает дым.

— Вот поэтому я никогда не встречаюсь с бывшими.

— У тебя нет бывших, — замечает Валериан.

— Именно. Я их убиваю раньше.

Ноэль резко поднимается с кровати.

— И что теперь?

Лилит чуть склоняет голову.

— Теперь? Ничего.

— Он снова пойдет за тобой.

— Да.

— А ты снова позволишь ему.

Лилит улыбается.

Очень спокойно.

Очень древне.

— Да.

И почему-то именно это злит Ноэля сильнее всего. Не кровь. Не укусы. Не секс с человеком, которого она когда-то любила настолько сильно, что убила в первую брачную ночь.

А то, насколько очевидно: спустя четыреста лет Лилит всё ещё даже не пытается это отрицать.

## Глава 8. Дом, где всегда ночь

Клуб «Элизиум» никогда не появлялся на туристических сайтах, хотя находился почти в центре города и занимал три этажа старого здания с колоннами, лепниной и огромными окнами, выходящими на реку. Люди попадали туда только по приглашениям, через нужные знакомства или достаточно крупные суммы денег, чтобы охрана переставала задавать вопросы. Впрочем, даже попав внутрь, большинство гостей всё равно ничего не понимали. Они видели дорогой алкоголь, бархатные диваны, живую музыку, красивых людей в черном и золотом, чувствовали запах духов, сигарет и секса, слышали смех, звон бокалов и джаз, лениво растекающийся под потолком. Им казалось, что это просто клуб для богатых извращенцев.

На самом деле это был один из старейших вампирских домов города.

Люциан ненавидел подобные места.

Слишком шумно. Слишком много духов. Слишком много молодых вампиров, пытающихся выглядеть опаснее, чем они есть. Они всегда напоминали ему голодных собак в дорогих ошейниках — шумных, нервных и слишком уверенных, что бессмертие автоматически делает их чем-то особенным.

Охрана у входа напряглась сразу, как только он подошел.

Высокий мужчина в темном костюме медленно поднял

взгляд от списка гостей и застыл на долю секунды, заметив ярко-зеленые глаза.

— Серебряный, — тихо произнес он.

Не вопрос.

Скорее плохая примета.

Люциан достал сигарету.

— Как приятно знать, что у меня всё ещё есть поклонники.

Охранник не улыбнулся.

— Вас ждут?

— Надеюсь, что нет.

Его всё равно пропустили.

Таких, как Люциан, не останавливали. Им уступали дорогу и надеялись, что этого окажется достаточно.

Внутри клуб выглядел так, будто кто-то попытался построить храм роскоши для существ, давно потерявших вкус к обычной жизни. Красный бархат, черный мрамор, приглушенный золотой свет, стеклянные люстры, старые картины в тяжелых рамах. Люди танцевали внизу, даже не подозревая, что некоторые из тех, кто наблюдает за ними с балконов второго этажа, помнят войны, о которых давно забыли учебники истории.

Люциан поднялся вверх, не обращая внимания на взгляды.

Его здесь знали.

И не любили.

Особенно старшие.

Потому что он был напоминанием о неприятной правде: чудовище всё ещё остается чудовищем, даже если работает на правильную сторону.

Кассиан Деверо встретил его в приватной гостиной за тяжелыми темными шторами, скрывающими шум клуба. Древний вампир сидел в кресле у камина с бокалом крови в руке и выглядел так, будто родился аристократом и просто отказался умирать вместе со своей эпохой. Светлые волосы были идеально уложены назад, темный костюм сидел безупречно, а глаза — почти выцветшие от возраста — смотрели на Люциана с ленивым удивлением.

— Вот уж кого не ожидал увидеть в своем доме, — спокойно сказал Кассиан.

Люциан прикурил сигарету.

— Начинаю подозревать, что меня вообще редко где рады видеть.

— И правильно подозреваешь.

Несколько секунд они молча рассматривали друг друга.

Оба слишком старые, чтобы тратить время на бессмысленные угрозы.

Кассиан первым нарушил тишину:

— Итак. Серебряный приходит в вампирский клуб посреди ночи. Это либо очень плохая шутка, либо очень плохие новости.

— Второе.

— Как скучно.

Люциан подошел ближе к окну. Сверху было видно танцпол, людей, вспышки света, официанток с подносами и молодых вампиров, слишком голодных, чтобы долго притворяться людьми.

— Старшие пропадают, — сказал он.

Кассиан чуть усмехнулся.

— Да неужели.

— Ты возможно следующий в списке.

— Как драматично.

— Ты не выглядишь обеспокоенным.

— Потому что я пережил чуму, инквизицию и французскую революцию. После этого исчезновения коллег воспринимаются чуть менее эмоционально.

Люциан медленно выдохнул дым.

— Кто-то убирает тех, кто держал районы.

— Знаю.

— И тебе не интересно кто?

Кассиан сделал небольшой глоток из бокала.

— Разумеется интересно. Но ещё интереснее, почему ты спрашиваешь меня, а не свою жену.

Вот теперь Люциан посмотрел на него внимательнее.

Кассиан тихо рассмеялся.

— О, пожалуйста. Весь город уже шепчется, что Лилит снова появилась рядом с тобой. После смерти твоей смертной даже самые тупые начали складывать два и два.

— Опасное занятие.

— Особенно рядом с вами двумя.

Кассиан поставил бокал на столик.

— Ты подозреваешь её?

Люциан ответил не сразу.

Потому что сам до конца не понимал.

Лилит любила жестокость. Любила игры. Любила оставлять после себя кровь, хаос и красивые катастрофы. Но это... это было слишком методично. Слишком чисто для неё. Старшие исчезали почти бесследно. Молодняк оставался без контроля. Районы начинали медленно гнить изнутри.

Это выглядело не как ревность.

Это выглядело как подготовка.

— Я подозреваю всех, — сказал он наконец.

Кассиан лениво кивнул.

— Значит, ты всё ещё хороший охотник.

— А ты всё ещё слишком спокоен для существа, за которым, возможно, уже идут.

— Если за мной придут, я предпочту встретить это с хорошим алкоголем, а не с паникой.

— Очень благородно.

— Очень старо.

В этот момент дверь гостиной открылась.

И воздух изменился раньше, чем Люциан успел обернуться.

Лилит вошла первой.

Черное платье мягко скользило по полу, темные волосы были собраны высоко, открывая шею, а почти белые глаза сразу нашли Люциана, будто всё остальное в комнате переставало существовать, когда он появлялся рядом. За ней вошли Морена, Валериан и Ноэль.

И если Морена выглядела заинтересованной, Валериан — привычно равнодушным, то Ноэль замер сразу.

Потому что Лилит улыбнулась.

Совсем немного.

Но достаточно.

— О, — тихо произнесла Морена. — Какая неожиданная семейная встреча.

Кассиан тяжело вздохнул.

— Я ненавижу, когда вы собираетесь вместе в моем клубе. Каждый раз потом приходится менять мебель.

Лилит медленно подошла ближе.

— Люций.

— Лилит.

Ноэль молчал.

Люциан чувствовал его взгляд почти физически — молодой, раздраженный, ревнивый. Забавно. Четыреста лет назад Люциан убивал людей за то, что они смотрели на Лилиану слишком долго. Теперь какой-то столетний вампир смотрел так на него.

Время действительно обладало отвратительным чувством юмора.

— Ты опять куришь в помещении, — заметила Лилит.

— А ты опять появляешься там, где начинаются проблемы.

— Льстит, что ты сразу думаешь обо мне.

— Это скорее травма.

Морена тихо рассмеялась и рухнула в кресло у стены.

— Господи, я скучала по вам. Вы разговариваете как разведенная пара, которая всё ещё спит вместе.

— Потому что так и есть, — лениво заметил Валериан.

Ноэль резко посмотрел на него.

Лилит заметила.

Конечно заметила.

Она всегда замечала ревность быстрее запаха крови.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она Люциану.

— У меня тяжелая неделя.

— Бедный мой муж.

Ноэль сжал челюсти так сильно, что Люциан услышал.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.